

Глава четвертая

ПЛАЧ В ТУМАНЕ

Через день после нашего с Гордой приезда меня послали пасти отару овец, а моего дальнего родственника, старше меня на год, Салима определили пасти телят. Поднявшись на заре, когда от росы было холодно босым ногам, я пошел за отарой. Солнце, постепенно поднималось над пастбищем, согревало траву, роса исчезла быстро, отара неторопливо паслась, спокойно взбираясь по склону на зеленую гору. Тени стелились, ползли по траве. Я сидя следил за ними, очень хотелось лечь, но боялся, что усну, а отара уйдет без меня. Чистый горный воздух и медленное движение облаков навевали сон, но я терпел, хотя это и было трудно. Когда несколько удалились овцы, поднимаясь вверх, я поднялся, пошел вверх по склону и снова сел, немного опередив отару. Опять потянуло ко сну, но все же я держался, не спал. И неожиданно увидел на траве тень летящего орла, а потом вторую. Я поднял голову и увидел двух огромных орлов, паривших над моим стадом. Они нес-лись очень красиво, видно было, что эти могучие птицы что-то высматривали, искали. Они то отлетали, то возвращались и продолжали снова кружиться над отарой. Я еще не видел, но слышал, что есть орлы, которых называют ягнятниками, они хватают даже крупных ягнят и уносят. Об этом говорилось и в некоторых сказках Горды. Я следил за парящими орлами, страшно боясь, что они нападут на моих ягнят, хотя эти ягнята появились на свет в апреле — мае и стали уже большими. «Было бы у меня ружье,— думал с тревогой,— я бы стрелял в хищников. А так что я смогу сделать, если они нападут на ягнят. Палкой же не отогнать их!». «Горда!» — невольно крикнул я, хотя хорошо знал, что Сказочник в тот день от меня был на порядочном расстоянии, косил сено. Но вот вдруг хищные птицы, отлетев несколько в сторону, стали драться между собой. Я обрадовался, подумав, что теперь они не нападут на ягнят. Один из них, казавшийся мне крупнее, напал первым, но второй не испугался, взлетел выше, мгновенно атаковал противника. Полетели пух и перья. Я решил, что и пух и перья летели от напавшего первым, который отлетел в сторону, собрался с силами и набросился на врага. Снова полетели пух и перья. Я подумал, что теперь пух и перья летели от меньшего хищника. Тот, в свою очередь, отлетел в сторону, покрутился и яростно набросился на недруга. Опять полетели пух и перья. Мой сон пропал, я с замиранием сердца следил за дракой птиц. Первый орел, должно быть, уже сдавался, отлетел в сторону, второй снова взлетел выше и опять напал сверху. Его противник вырвался и стал удирать. Второй преследовал. Так они исчезли за горой. Я обрадовался, что хищные птицы, вступив в драку, не напали на моих ягнят, удалились. Мне от них это и нужно было. Отара продолжала подниматься по зеленому склону. Мне уже не хотелось спать, я тоже двигался за овцами, все думал о том, из-за чего возникла драка у орлов, что они не поделили в небе, и не смог прийти ни к какому выводу. Но дрались они здорово, красиво, смело, отважно. А из-за чего — я не мог понять. Думаю,

они дрались не зря, не такие орлы глупые. Причина, конечно, была.

Опять несколько опередив отару, я едва успел сесть на траву, как увидел вновь орлиную тень на склоне. Огорченный, поднял голову. Над моей отарой снова парил орел. Это был один из дравшихся или появился новый хищник — я не знал. Мне показалось, что стервятник зорко всматривается и выискивает. Я со страхом следил за ним. Он продолжал парить над стадом и вдруг камнем набросился на белого ягненка, лежавшего с краю, мгновенно схватил его и снова взмыл ввысь. Ягненок болтался в его когтях. Хищник уходил за гору как ни в чем не бывало. Мне хотелось кричать, угрожая палкой улетающему орлу, но я не мог — пропал голос. Продолжая размахивать палкой, я заплакал от своей беспомощности. Орел с ягненком исчез за горой, а я продолжал плакать. Белый ягненок пропал. Это была моя первая пастушеская утрата.

Отара паслась на альпийской траве, поднимаясь по склону на зеленую гору, а в полдень, когда овцы оказались наверху, они, сытые, легли отдыхать. На траву пала тень от облаков. Воздух был сказочно чист. Я, расстелив свою маленькую бурку, лег на нее возле овец и стал смотреть на высокую синеву неба, на облака, проходящие надо мной, будто они тоже паслись в небе, как моя отара на склоне. Лежа на спине, все думал о гибели белого ягненка и ругал орла, но снова вернулся ко мне сон, я уснул. Когда я проснулся, на земле лежал густой туман. Протер глаза, посмотрел — нет моей отары. А туман такой, что и в пяти шагах не видать ничего. Побежал в одну сторону, кинулся в другую — нет моих овец! Меня охватил ужас. Если дотемна не найду отару, овец наших передуют, растерзают волки. «Потеряв отару,— думал я,— как приду в кош, к своим родичам? Что они мне скажут? По головке не поглядят. А позор? Вот тебе чабан! Мама меня просила слушаться старших, все, что они поручат, делать хорошо. Быть прилежным, достойным покойного отца. А я в первый же день просмотрел отару. Хорошо, нечего сказать! Бедная моя мама. Как ей будет больно, когда узнает, что я проспал отару, а орлу дал унести ягненка. Как же быть? Как же быть?» — сетовал я, бегая во все стороны по зеленой горе, окутанной густым туманом. Долго я бегал в тумане, но так и не нашел отары, не встретил никого из пастухов-соседей. Убедившись в том, что отары я уже не найду, овец наших ночью, а может еще до наступления ночи, растерзают волки, я плакал, бегая в тумане, выбился из сил и решил идти в кош. «Но как,— думаю, — пойти туда? Что я скажу старшим? Какой позор! Какой позор! А если совсем не пойти в кош, остаться здесь до утра? Ночью рассеется туман, на рассвете найду отару. А если на стоянку не придем ни я, ни овцы, что тогда подумают старшие? Где они будут искать меня? Если я сейчас приду в кош и все честно расскажу, может, взрослые еще до ночи найдут овец и спасут от волчьего нападения. Лучше пойти и сообщить старшим о случившейся беде». Решив так, я направился к кошу. Мой плач раздавался в тумане. Найти кош в такой день тоже было нелегко, но все же нашел. Там я застал дальнего родственника Мажид, мужчину всегда угрюмого и молчаливого, который никогда не пел песен и не рассказывал сказок, почти не улыбался, редко смеялся. Я его не любил. К моему горю, в коше оказался он, когда я пришел туда. Первым меня встретил волкодав Бойнак. Он был ласков со мной, как будто понял мою беду, нюхал меня, его глаза, как всегда в таких случаях, были мягкими, добрыми. Он смотрел на меня так, словно спрашивал: «О чем горюешь? Чем тебе помочь?» Я не мог объяснить могучему и доброму Бойнаку свою беду — не знал его языка. — Откуда ты? — спросил Мажид, когда я вошел в кош и разрыдался. — Что с тобой? Чего плачешь?

Я молчал.

— Что случилось? Где отара? — спрашивал он громко и грубо.

— Со мной случилась беда! — сказал я наконец сквозь слезы.

— Какая беда? — крикнул Мажид так, что я чуть не свалился с ног от его голоса.

— Отара пропала.

— Как пропала?

— Когда на зеленой горе Ташсыз овцы, наевшись, легли отдыхать, я тоже лег и уснул на траве. Когда я проснулся, на горе лежал туман, а отары не было. Я бегал, пока не выбился из сил, но не нашел овец. И пришел сюда сказать об этом. Так я считал правильным.

— Ах ты, щенок! — закричал Мажид, — спать среди бела дня ты тоже считал правильным? Вот тебе за твой сон! — сказал он, заскрежетав зубами, и ударил меня ногой в живот. Я упал. Мажид, продолжая пинать меня ногой, выбросил из коша, на улице избил меня еще сильнее. И вдруг, к моему удивлению, Бойнак набросился на моего истязателя, схватил его за старый залатанный бешмет и разорвал его. Мажид в ужасе вбежал в кош, схватил ружье, сгоряча решил пристрелить волкодава дяди Тебо, но не осмелился, схватил большую палку и кинул в собаку, обуреваемый злобой. Как я был благодарен Бойнаку, который заступился за меня! Я с трудом поднялся, отошел в сторону и, продолжая плакать, сел на серый камень под деревом. Волкодав подошел ко мне, опустился на землю у моих ног и смотрел на меня своими умными глазами, будто понимая мое горе.

— Иди, найди отару! — кричал Мажид из коша, но подойти ко мне и бить меня снова боялся, видно, из-за Бойнака.

— Я не смогу найти! — ответил я.

— Если не найдешь, не возвращайся сюда, паршивец, пусть тебя вместо овец волки съедят!

— Я не могу идти! — не сдавался я, проклиная в душе моего истязателя, который не только нанес мне страшную физическую боль, но впервые так я был унижен и оскорблен. Я проклинал его и ненавидел страшной ненавистью. «Ты меня избил потому, что у меня нет отца, я сирота. Но у меня есть дяди, у меня есть добрый Горда, — говорил я про себя. — Они отплатят тебе. А если и они тебя не накажут, я стану большим и отомщу тебе, мерзавец, за твою жестокость и издевательство надо мной!»

Наступил вечер. Стало темно. Туман продолжал лежать на земле. Я все сидел на камне под старой горной березой, Бойнак также лежал возле меня. Пришли косари. Когда я увидел Тебо и Горду, начал снова громко плакать. Они, еще не успев отложить косы, подошли ко мне.

— Что с тобой, Ако? — склонился надо мной Тебо. Горда поднял меня с камня и гладил по голове.

— Кто тебя обидел, племянник?

— Мажид!

— Почему, чем обидел?

— Избил!

— Почему?

— Бил меня ногами. Бил в живот!

— Почему?

Я молчал. Мне страшно было произнести слова о том, что потерял отару, проспал.

— У меня все болит! — сказал я, всхлипывая.

В это время вышел из коша Мажид.

— Почему ты не говоришь, за что я бил тебя, щенок?! — закричал он снова, даже не боясь Тебо и Горды.

— А в чем дело? Как ты смеешь бить беспомощного ребенка-сироту? — Горда подошел к нему вплотную, готовый ударить его. Я это чувствовал.

— Он потерял отару, — ответил Мажид угрюмо.

— Как потерял?

— Проспал. Был туман.

— Так ли это? — спросил меня Горда.

— Так, — признался я.

— Это очень плохо, — сказал Горда, — но какое право ты имел, Мажид, бить мальчика, издеваться над ним?

— Он виноват! — огрызнулся Мажид.

— Каким бы виноватым он ни был, тебе никто не дал права бить беспомощного ребенка, который не может защитить себя и ответить.

— Ты брось это, Горда. Я не знаю как тебе, а мне дороги мои овцы. Их я раздобыл трудом и потом; если их растерзают волки, никто не даст мне своих овец.

— Но издеваться над мальчиком тоже никто тебе не даст, не позволим. Отец его, наш брат, умирая, нам завещал его, а мать, посылая сюда сына, поручила его мне. А ты в мое отсутствие избил его!

— Ты, Горда, брось угрозы и рассказывай свои сказки!

— Ах, так?! — закричал Горда, схватил Мажида за ворот и с размаху ударил его кулаком по голове, тот зашатался, схватился за голову, но не упал. Тогда Горда, придя в ярость, ударил его еще раз. Мажид застонал и свалился. Через минуту он поднялся и набросился на Горду. Тут разнимать дерущихся кинулся Тебо, подбежали другие. Мажид орал, грозился, но их разняли, развели.

— Хватит вам заниматься безобразиями! — сказал Тебо как старший. — Сейчас надо не драться, а отправляться искать отару. Не то за ночь мы с вами можем остаться без овец. Прекратить раздоры! Будем искать отару.

— Я подчиняюсь старшему брату. Но отныне не буду считать Мажида родственником. Избить ребенка-сироту — что может быть поганее! — Горда никак не мог успокоиться.

— Хватит! — сказал Тебо Горде. — Давайте поделимся на три группы по два человека и отправимся искать овец.

Три группы отправились на поиски отары. Мы с Салимом остались в коше.

— Ты знаешь, — сказал Салим, — в прошлом году этот противный Мажид избил и меня за то, что я однажды проглядел и телята побежали к коровам до удою. Тогда мы были в коше вдвоем и он издевался надо мной.

— Сильно он тебя избил?

— Сильно. Я с трудом ходил.

— Вот я стану большим, я ему отомщу как следует. Горда уже сегодня дал ему за меня. Паршивый Мажид каждый раз говорил, что Горда умеет только молотить языком —

рассказывать небылицы. Вот сегодня Горда и показал ему, что он умеет. Вот так и надо ему, этому проклятому хмурому и злому Маждиду!

— Когда стану взрослым, я тоже отомщу ему за себя, — сказал Салим. — Обязательно отомщу.

- Ух, он очень злой, противный!
- Чтоб он сорвался с самой высокой скалы!
- Чтоб его растерзал медведь в ущелье!
- Чтоб волчья стая догнала его на зимней дороге!
- Чтоб убила его молния над скалой!

Мы сидели в коше, прося у Бога послать Мажиду самую страшную гибель, и так незаметно уснули на мулжаре *. Оказалось, что ночью туман рассеялся, стало ясно, отару искали долго, но нашли в целости у роши, которая называлась верхней. Я радовался утром не только тому, что нашлись овцы, ничего с ними не случилось, но и тому, что нашел их не противный враг мой Мажид, а Горда, мой друг и защитник.

Утром все тот же Мажид сказал, обращаясь к Тебо:

- Можем ли мы доверить теперь отару такому парню?
- А почему бы и нет? — ответил Тебо.— Ошибки бывают и у взрослых. Он учтет то, что случилось. Не будет спать тогда, когда пасет отару.
- Не будет, я ручаюсь за него, брат,— сказал Горда.
- Я тоже,— добавил мой двоюродный дядя Азнор.
- Он больше не потеряет отару,— сказал второй двоюродный брат Таусо.
- Ладно,— заключил Тебо как старший из присутствующих родичей,— еще раз доверим нашему племяннику Ако отару. Будешь хорошим, внимательным чабаном, племянник?
- Буду, дядя Тебо. Только доверьте мне отару, пожалуйста. А то я маме обещал, что буду хорошо пасти овец. Я не могу обмануть мою маму!
- Молодец, Ако,— одобрил Горда,— верно говоришь. Один раз любой может ошибиться, дать промах.
- Больше я не потеряю отару, дядя Горда!
- Верю.
- Поверим Ако. Он у нас хороший, умный парень,— повторил Тебо.
- Смотрите! — гаркнул Мажид.

В тот же день я снова погнал отару, уверенный в том, что моя ошибка больше не повторится, довольный, почти счастливый тем, что мне снова доверили отару, несмотря на мою вину. Для меня это было большое дело. Если бы они не доверили, это был бы позор на весь наш большой аул. Как бы тогда я смотрел в глаза аульчанам, что сказал бы маме и друзьям-мальчишкам в ауле? Мама учила меня быть достойным моего рано умершего отца. Она говорила, что папа мой был лучшим человеком в ауле, что от хорошего отца не должен родиться плохой сын. Если так случится, то это будет большой несправедливостью и горем для матери.

Моя мама была самой заботливой, доброй, красивой и умной. Она часто плакала, вспоминая папу, прижав меня к груди, глядя мои босые ноги. Тогда и сестренка моя старшая тоже плакала вместе с мамой. Я терпел, терпел и тоже начинал плакать. Это мы оплакивали нашего отца. Мама моя работала день и ночь — возилась на огороде, пряла, не зная отдыха,— боялась, что иначе мы будем голодать. Теперь на пастбище я на второй же день начал тосковать по матери. Очень тосковал. Мне так хотелось увидеть ее лицо, услышать ее голос, теплее и приятнее которого я не слышал, я хотел, чтобы она прижимала к груди мою голову и гладила босые ноги, которые так уставали за день беготни и игр. Мне у пастухов не хватало маминых хычинов и лакумов! «Мамочка! Я помню тебя, вспоминаю!» — говорил я про себя, как будто эти мои слова могли дойти до нее. Я так же скучал по сестренке Маржан, хотя дома мы с ней и дрались нередко,

огорчая этим маму. «Мне надо хорошо пасти овец, быть хорошим чабаном,— думал я, шагая за отарой,— чтобы, приезжая с пастбищ в аул, родичи говорили, что Ако стал замечательным чабаном, и мама и сестренка радовались и гордились мной, чтобы все говорили в ауле, что сын у вдовы Саняят прекрасный, работающий парень, достойный своего отца. Такой всегда будет радовать мать, которая растит своих сирот так старательно, так заботливо». Мне хотелось, чтобы моя мама говорила самой себе: «Недаром я надеялась на него, не зря старалась учить его всему хорошему, не зря рассказывала об отце, о том, какой он был благородный, работающий, мужественный человек, не напрасно говорила, чтобы мой мальчик, мой Ако, рос достойным своего отца!» Думая об этом, я твердо уверял себя в том, что больше не просплю отару, буду прилежным и аккуратным. Только вот не знал, как быть с орлами. Хотя за унесенного стервятником ягненка никто не ругал меня и не обвинял, но мне было жалко, что пропал он. А если это будет часто повторяться, как тогда быть? Это сильно тревожило меня, но об этом надо было поговорить со старшими. А пока я твердо решил держаться, не спать днем возле отары. Но беда была в том, что это оказалось не так-то просто. Сон на прохладном пастбище становился неодолимой силой. Надо было искать выход, хотя это было нелегко. Но рассказ об этом впереди.

* Мулжар — слой травы, сена в коше, на котором спят пастухи.

* Азык — еда, взятая в дорогу.